

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ: ДИНАМИКА СЛАВЯНСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Рассматривается формирование языковой ситуации в Приамурье: выделены периоды ее развития, различающиеся по качественно-количественным параметрам. В фокусе исследования находится динамика славянской составляющей в анализируемой ситуации, обусловленная социальными факторами.

Ключевые слова: языковая ситуация; Дальневосточный регион России; русский язык; украинский язык; белорусский язык.

Проблема языковой ситуации, по мнению исследователей, является самой существенной и специфичной для социолингвистики, в данное понятие следует включать всю функциональную сторону языка [1. С. 127]. Актуальность описания языковых ситуаций несомненна. Во-первых, каждое конкретное проявление по возможности должно быть учтено при целостном типологическом описании языковых ситуаций. Во-вторых, исследование конкретных языковых ситуаций позволяет оценить перспективность языковой политики и прогнозировать тенденции развития языка [2. С. 134; 3. С. 102].

В теории языкознания языковая ситуация традиционно определяется как совокупность форм существования языка, функционирующих одновременно на определенной территории, обычно совпадающей с границами административного членения. Так, по определению, данному В.А. Виноградовым, языковая ситуация – это «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [4. С. 616].

Проблема языковой ситуации изучалась прежде всего на материале функционирования различных языков и форм существования английского языка в США [5], различных языков Западной Африки [6], Белоруссии [7], языков в романоговорящих [8] и некоторых других странах. Также была предпринята попытка анализа языковой ситуации в Северном Китае, а именно в Харбине, бывшем центре русской восточной эмиграции, многонациональном и многоязычном городе на протяжении XX в. [9].

Наше большое и многонациональное государство демонстрирует многообразие вариантов языковых ситуаций на своей территории. Все они могут быть рассмотрены в рамках определенной схемы (или алгоритма), выявив некий прогнозируемый инвариант. Однако в каждом конкретном случае на каждой конкретной территории мы будем непременно отмечать своеобразие и уникальность сложившейся и функционирующей там языковой ситуации, обусловленные конкретными историческими условиями ее формирования.

Значительную часть территории России занимают так называемые территории позднего русского заселения: это Сибирь и Дальний Восток, присоединенные к России после походов русских воевод начиная с конца XV в. Свообразие языковых ситуаций на этих территориях предопределено рядом факторов: 1) функционированием языков коренного (аборигенного) насе-

ния на территориях, не исконных для пришлого славянского населения, ставшего впоследствии доминирующим, и статусом этих коренных языков; 2) функционированием языков находящихся в непосредственной близости соседних государств; 3) соотношением статусов языков и их форм в определенный отрезок времени на данной территории.

Целью настоящей работы является реконструкция славянской составляющей и анализ ее динамики в языковой ситуации Дальневосточного региона России на примере Приамурья с момента появления славян на указанной территории. Предполагаем некоторую типичность этой динамики применительно к другим территориям позднего славянского заселения.

Приамурье – это территория на Дальнем Востоке России площадью 363,7 тыс. кв. км, административно обозначаемая как Амурская область и занятая в настоящее время преимущественно славянским (в большинстве своем русским) населением. Название Приамурье получено по прилеганию к реке Амур, являющейся границей с сопредельным государством – Китаем.

Коренное население края в XVII в. составляли тунгусы (эвенки), дауры, дючеры, натки, гиляки, а также такие родоплеменные группы амурских тунгусов, как мангры (манагиры), негидальцы (амгуньские тунгусы), шамагиры, бирары и др. [10. С. 225]. Эвенки как представители автохтонного населения Приамурья и потомки тунгусских племен Дальнего Востока по сей день остаются значительной этнической группой в регионе.

Постоянным для региона на протяжении последних 150 лет является присутствие китайцев, точнее китайских подданных, поскольку среди них были не только китайцы, но и маньчжуры. В настоящее время китайцы присутствуют в нашем регионе в основном с целью заработка, но абсолютное большинство из них не рассматривает Россию как место своего постоянного проживания.

Установление в 1858 г. государственной границы с соседним государством – Китаем – было сопряжено с необходимостью ее охранять и осваивать новые земли. Это повлекло за собой государственные меры по привлечению человеческого ресурса в край – так появились славянские народы в Приамурье.

С целью охраны государственной границы по берегу Амура образовался ряд казачьих станиц: Албазинская, Черняевская, Игнашинская, Поярко-Екатерининская, Михайло-Семеновская и др. Их основателями в подавляющем большинстве были забайкальские казаки, которые вместе с семьями сплавом по реке добирались до новых мест и обосновывались там. Забайкальские казаки были великороссами по проис-

хождению, их говор определяют как русский с севернорусской основой¹ [11 С. 6].

Среди забайкальских казаков было много гуранов – потомков от смешанных браков русских с местным населением Забайкалья – бурятами.

С целью освоения новых земель царским правительством были организованы потоки крестьян-переселенцев на Дальний Восток. Начиная с 1859 г. шло переселение из разных губерний европейской части России, Белоруссии и Украины: из Полтавской, Орловской, Тамбовской, Воронежской и др. Переселенческий процесс осуществлялся на протяжении всего XX в., переживая свои «приливы» и «отливы», и в конце концов оказал существенное влияние на качество языковой ситуации в регионе.

Подавляющее большинство переселенцев были крестьянами, носителями диалектной формы языка. Вследствие крестьянского переселения из разных губерний России, Украины и Белоруссии на Дальнем Востоке оказались носители разных русских, украинских и белорусских говоров, что и обусловило изначальную пестроту славянского диалектного ландшафта Дальневосточного края и Амурской области в частности. В том, что на одной территории в силу разных исторических условий оказались носители разных говоров, заключается причина своеобразия говоров Дальнего Востока. «Трудно отыскать такой район, в котором на значительном протяжении в большом числе населенных пунктов можно было бы встретить тип одного цельного говора. Везде комбинированные, смешанные говоры, и если можно говорить о каком-либо господствующем, то только как господствующем сравнительно», – писал в 1928 г. А.П. Георгиевский, подчеркивая исключительную сложность языковой картины региона (цит. по: [12. С. 207]). В своей работе «Говоры Приамурья» (1930) исследователь выделял следующие основные подгруппы амурских говоров: русские говоры старожильческие и новосельские, особо-казачьи говоры, украинские говоры, белорусские говоры, смешанные говоры, а также говоры старообрядцев-семейцев (цит. по: [13. С. 100]).

Особо хотелось бы отметить переселенческий процесс из Украины, который наряду с переселением русских из европейской части России и Сибири носил масштабный характер². По данным переписи разных лет, украинцы составляли вторую по численности после русских славянскую этническую группу на Дальнем Востоке и, в частности, в Приамурье. Так, в 1886 г. 46,5% всех переселенцев в Амурскую область составляли украинцы, в 1890 г. – 59,6%. В 1927–1928 гг. из 36,7 тыс. семейных переселенцев на Дальний Восток 11,2 тыс. были из Украины, 8,6 тыс. – из Европейского центра, 5,1 тыс. – из Белоруссии. Главной причиной активного переселения украинцев стал недостаток свободных земель в Украине, а кроме того – льготы, предоставляемые переселенцам, и устные заверения ходяков о богатстве края³. В результате столь активного украинского заселения края возникло понятие о такой дальневосточной территории, как Зеленый Клин.

Зеленый Клин, или Зеленая Украина, – земля украинских поселенцев на Дальнем Востоке, от истоков

реки Амур до Тихого океана, площадью примерно 1 млн кв. км [14]. Территорию Зеленого Клина составляли Амурская область, Приморский край и большая часть Хабаровского края [Там же]. В другом, более широком понимании этой территории, она включает также Камчатскую и Сахалинскую области [15]. Полагаем, что указанные края и области неверно рассматривать как землю украинских поселенцев, поскольку эта территория заселялась представителями и других национальностей. Кроме того, украинцы, составляя значительную часть населения Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. и в начале XX в., количественно не превосходили ни все другие вместе взятые национальности, населявшие Дальневосточный регион, ни русских, взятых в отдельности.

Среди переселявшихся на Дальний Восток, и в частности в Приамурье, украинцев подавляющее большинство составляли крестьяне, но были и представители других социальных групп, оседавшие, как правило, в городах. Среди них были и такие, которые со свойственным для украинского народа стремлением к сохранению национальной самоидентификации принимались за объединение украинцев на новой территории, что выражалось, например, в создании украинских клубов, призванных всеми возможными мерами укрепить положение украинцев в Дальневосточном крае и подчеркнуть их самостоятельность. Это обстоятельство также является важным для характеристики языковой ситуации в регионе в начале XX в.⁴

Многонациональность, «этнографическая помесь, которая господствует вообще на нашем Дальнем Востоке» [16. С. 173], являлась яркой чертой края, создавала его своеобразный колорит. Такая полиэтничность в Дальневосточном регионе сопровождалась функционированием различных языков и языковых форм: восточнославянских диалектов, в том числе довольно консервативных говоров русских старообрядцев, русского просторечия, языков местного автохтонного населения и других народов восточной Азии – китайцев, корейцев, японцев; кроме того, существовали и контактные, редуцированные языковые образования для коммуникации русских с китайцами и представителями «инородческого», автохтонного населения края, а именно пиджин, определяемый нами как русско-китайский.

Языковая ситуация с течением времени естественно меняет свои количественные и качественные характеристики. Можно выделить три периода в развитии языковой ситуации в Приамурье, различающихся по своим количественно-качественным параметрам:

I. Период до 1858 г. (до массового присутствия славянского населения в регионе).

II. Период после 1858 г. – до 20-х гг. XX в. (массовое переселение славян).

III. Период после 20-х гг. XX в. до 10-х гг. XXI в. (разнонаправленная миграция).

Период после 1858 г. характеризуется массовым переселением славян. Прибывавшие в дальневосточные края из европейской части России, Украины и Белоруссии новоселы в большинстве своем были крестьянского происхождения и безграмотны, следовательно, являлись носителями диалектной формы своих родных языков: русского, украинского или белорусского.

В 1856 г. возник Усть-Зейский пост, ставший началом города Благовещенска, который и стал центром, организующим жизнь края, со всеми сопутствующими городской жизни атрибутами (администрирование, судебное производство и т.д.). Открывались школы и специальные учебные заведения, начали выходить периодические издания, была организована культурная жизнь и т.п. [10. С. 299–318].

В Приамурье, и в первую очередь в Благовещенск как его центр, привлекались высококвалифицированные образованные кадры из европейской части России и Сибири, которые были способны наладить жизнь города и региона в целом. Как отмечают исследователи, в это время в Благовещенске «шло постепенное формирование инфраструктуры русской культуры» [10. С. 305]. Многообразие сфер деятельности, образование предполагают владение нормой литературного языка, как устной, так и письменной, и этим языком был русский. В регионе оказались носители русского литературного языка, владеющие нормой и способные к ситуативной вариативности своей речи. Характерная для города дифференциация общественной деятельности влекла за собой расширение сферы использования русского литературного языка, и таким образом его положение в регионе постепенно укрепилось.

Кроме того, в город в силу его специфики (развитие ремесел, торговли и др.) стекалась рабочая сила из окрестных деревень и ближайших регионов, что способствовало функционированию такой формы языка, как просторечие, безусловно испытывавшей сильное диалектное влияние. Как указывает В.В. Пирко, «на территории Приамурья за сравнительно короткий срок в результате нескольких миграционных потоков на основе диалектных традиций и просторечия центра России сформировалось и функционирует просторечие с элементами регионального характера, отвечающее потребностям коммуникации городского населения» [17. С. 8].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в рассматриваемый период русский язык в Приамурье функционировал в диалектной, литературной и просторечной формах. Доминирующей, по нашему мнению, являлась диалектная форма, поскольку количество ее носителей преобладало⁵.

Позиция русского языка в Приамурье в рассматриваемый период, безусловно, укреплялась его статусом: для региона, который с 1858 г. вошел в состав России, это был язык государственный, являясь символом России как государства, официальный, т.е. язык государственного управления, законодательства, судопроизводства, и титульный – имеющий название, совпадающее с именем этноса, по которому названо национально-государственное образование [19. С. 42].

Закономерно возникает вопрос о функционировании других восточнославянских языков, носители которых присутствовали в регионе, – украинского и белорусского. Основной языковой формой, имевшей место в Приамурье в анализируемый отрезок времени, выступала диалектная форма украинского и белорусского языков по причине численного преобладания ее носителей – крестьян-переселенцев из Украины и Белоруссии.

Складывается впечатление, что в случае с белорусским языком преобладание диалектной формы было абсолютным. Нам не встретилось источников, по которым можно было бы судить о функционировании литературной формы белорусского языка в Дальневосточном регионе, да и вряд ли это было возможно. Необходимо отметить, что литературная форма белорусского языка и его письменность в начале XX в. находились еще только на стадии формирования [7. С. 33–34].

Несколько иная ситуация с украинским языком. Известно о функционировании литературной формы украинского языка в Приамурье, но ее широкого распространения не произошло. Лидеры украинского движения верно избирали способы сохранения национальной самоидентификации: они считали необходимым образование и издание газет на украинском языке, поддерживали языковую среду родного языка, создавая клубы, где звучала украинская речь, – все это в конечном итоге способствовало единению украинцев и укреплению их позиции в регионе как этнической группы⁶. Из украинских источников известно о том, что в период царского правления подобные мероприятия не находили поддержки, поскольку они могли привести «к обособленности украинцев», «вызвать враждебную рознь в среде других групп населения» [14].

Известно, что после Октябрьской революции был всплеск национального самосознания украинцев Дальнего Востока, вылившийся в идеологическую борьбу за самоидентификацию. По мнению И. Свита, исследователя Зеленого Клина, «для украинской нации революция 1917 г. была не социальной революцией, а национальной» (цит. по: [14]). По всему Дальнему Востоку, включая города Амурской области Благовещенск и Свободный, были созданы национальные украинские организации – громады⁷. За довольно короткий промежуток времени (1917–1918 гг.) было созвано несколько дальневосточных украинских съездов. Кульминационным моментом в борьбе за национальную самоидентификацию было принятое на III Дальневосточном украинском съезде в 1918 г. решение обратиться к Киеву, который бы в свою очередь обратился к России с требованием признать Зеленый Клип частью Украины на основании воли народа, составляющего большинство местного населения. Указанная ими цифра – 80%⁸ – не является истинной (наши источники показывают значительное число украинцев на Дальнем Востоке в то время, но все же меньшее, чем русское население и чем все другое население Дальнего Востока [20. С. 171]).

Идея отделения не была созвучна и политике новой послереволюционной власти, поэтому на государственном уровне поддержка национальной самоидентификации украинцев на Дальнем Востоке не находила отклика. Как следствие, не получали одобрения те общественные институты (образование, печать и др.), которые способствовали бы сохранению украинцев как отдельной этнической общности, а также сохранению и функционированию украинского языка на Дальнем Востоке не только в диалектной, но и в литературной форме.

Итак, в указанный период в Приамурье украинский язык функционировал в диалектной и литературной форме с существенным преобладанием диалектной, что объясняется составом его носителей – крестьян. При

этом украинский язык, несмотря на присутствие литературной разновидности, не имел статуса государственного, официального и титульного, хотя стремление к этому у группы его носителей было, что, безусловно, укрепило бы его позицию в регионе. Однако по воле исторического случая этого не произошло.

Период с 20-х гг. XX в. до 10-х гг. XXI в., во-первых, отражает, тенденции языковой политики советского времени, обусловленные, с одной стороны, диктатурой власти в решении национального и, соответственно, языкового вопросов, и, с другой стороны, языковым строительством, выражающимся в создании письменности для бесписьменных народов. Во-вторых, в этот период происходит всемирный процесс глобализации, при котором нивелируется национальное своеобразие, в том числе языковое, несмотря на понимание в обществе и государстве необходимости охранять его как культурное достояние.

С течением времени произошли существенные изменения славянского облика региона. Покажем с помощью табл. 1 динамику славянской составляющей в языковой ситуации региона, сопоставив ее качество в конце XIX и в конце XX в. через указание на состав функционирующих идиомов. Предваряя языковой комментарий ситуации, отметим, что при сопоставлении данных переписей населения Амурской области становится очевидным, что на протяжении XX в. происходило увеличение численности русского и снижение численности украинского и белорусского населения в регионе [10, 20]. Возможно, одной из причин данных процессов было то, что национальность рожденных в смешанных славянских русско-украинских, русско-белорусских браках (а такие безусловно были) определялась по титульной нации в государстве: русские⁹. Таблица показывает возрастание роли русского языка при угасании функций других славянских языков, бытовавших в регионе.

Динамика славянской составляющей в языковой ситуации Дальневосточного региона

Восточнославянские языки, функционирующие в регионе	Конец XIX в.: функционирование языковых форм в порядке убывания их значимости	Конец XX в.: функционирование языковых форм в порядке убывания их значимости
Русский язык (с преобладающим численно составом носителей в регионе)	Диалект / ЛЯ (со статусом государственного) / просторечие	ЛЯ / диалект / просторечие
Украинский язык (со значительным, но не преобладающим составом носителей в регионе)	Диалект / ЛЯ (без статуса государственного)	Диалект (реликты)
Белорусский язык (с незначительным по сравнению с русским и украинским составом носителей в регионе)	Диалект	Не обнаружено

Изначально позиция русского языка в регионе была сильнее, во-первых, вследствие численного превосходства его носителей, во-вторых, вследствие его статуса: это был, как мы указывали, государственный, официальный, титульный язык. Статус языка обуславливал активное продвижение его литературной формы в массовой информации, образовании, законопроизводстве и других актуальных сферах общественной деятельности. В конце XX в. литературная форма русского языка являлась доминирующей в социальной коммуникации и обладала безусловным общественным престижем. Такое положение дел не является регионально специфичным, но нам важно подчеркнуть здесь не общее эволюционное направление процесса перераспределения форм существования языка по степени значимости, а то, что так в регионе произошло именно с русским языком.

Русские амурские говоры к концу XX в. в значительной мере нивелировались под влиянием русского литературного языка: все меньше остается в современных селах носителей диалектного типа речи, все больше – носителей смешанного и литературного типов. Кроме того, русские говоры в Приамурье испытали влияние инодиалектных, украинских и белорусских, говоров на разных уровнях своей системы, в первую очередь на лексическом, что составляет их региональную специфику.

Позиция украинского языка в сравнении с русским оказалась слабее. Численность украинского населения всегда была ниже численности русского населения в

регионе, следовательно, меньшим было число носителей этого языка. Литературная форма украинского языка не имела благоприятных условий для своего продвижения, поскольку социальный статус украинского языка не был столь высоким, как у русского: он не был ни государственным, ни официальным, ни титульным.

Отсутствие планомерной государственной политики советской власти по поддержанию украинской этнической группы как отдельной, «самостийной» на Дальнем Востоке, а вместе с этим и украинского языка как рупора этого славянского этноса в печати, образовании и других областях жизнедеятельности, способствовало ее постепенному растворению в славянском населении Дальнего Востока и в конце концов привело к русификации. Однако на современном Дальнем Востоке, в частности в Приамурье, мы находим носителей украинских говоров в ряде районов Амурской области (например, в Октябрьском, Свободненском, Мазановском, Архаринском). Следовательно, украинские говоры сохранились, хоть и значительно уступают русским по своему распространению. Поддержанию «украинской ноты» в диалектном многообразии Приамурья в XX в. способствовали новые волны переселенцев из Украины, которые подпитывали своей речью уже было угасшие в окружении русского языка украинские говоры¹⁰.

В настоящее время на украинском диалекте говорит лишь старшее поколение 1920–1930-х г.р., чаще в домашнем или хорошо знакомом кругу; с незнакомыми

людьми стараються говорити по-русски. Их діти пасивно володіють українським діалектом, що проявляється в їх розумінні української мови, але при цьому в відсутності здатності вільно говорити по-українськи. Необхідно також відзначити, що сучасні українські мови в Приамур'ї зазнали значного впливу оточуючих їх російських мов, але всі вони зберегли ідентифікуючі їх риси.

Білоруська мова, найбільш слабо представлена в регіоні порівняно з іншими східнослов'янськими мовами за кількістю носіїв і побутовий тільки в діалектній формі, кінці ХХ в. взагалі не виявляє себе. Причини полягають в відсутності соціального статусу і комунікативної сили: це, як і українська мова, не була державною, ні офіційною, ні титульною; однак, на відміну від української, яку представляв в регіоні не тільки діалект, але і літературна форма, білоруська мова таким чином не мала.

Потомки білоруських переселенців, з якими довелося розмовляти в селах Амурської області (наприклад, в с. Черновка Свободненського району і деяких інших), говорять російським діалектом, але в їх мові присутні як білоруські, так і малоросійські – українські – впливи, що проявляються в наявності відповідної лексики¹¹. Таким чином, тут ми маємо міждіалектне взаємодіяння, але з іншим, більш асимілятивним результатом: спостерігається не збереження матірньої мови (як в разі з українською мовою в регіоні), а перехід на іншу – російську – діалектну систему з збереженням елементів вихідної мови. Варто відзначити, що такою альтернативою розвитку подій, яку показує досвід наших польових досліджень, досить часто зустрічається і в мові нащадків українців: переходячи на російську діалектну систему, вони зберігають в своїй мові елементи української мови.

Таким чином, аналізуючи слов'янську складову частину мовної ситуації в регіоні, можна зробити висновок про втрату української і білоруської мови і абсолютну домінування російської мови в усіх її формах. Такому стану сприяла національна і мовна політика Радянського Союзу. Так, в 1930-х роках русифікація мов в СРСР була загальною тенденцією [7. С. 36], яка посилювалася в післявоєнний час, коли

«СРСР взяв курс на укріплення мови нації, перемогло в Великій Вітчизняній війні» – російської мови [Там же. С. 39]. «В 1950–60-х роках була популярною лозунг про неминуву зливання націй в ході будівництва комунізму: все це привело до зниження уваги до розвитку всіх інших мов, крім російської», – відзначав Ю.Б. Коряков [Там же. С. 39].

Крім того, в регіоні на протязі всього розглянутого періоду відбувалася значна міграція населення, як внутрішня, пов'язана з переміщенням людей всередині регіону, так і зовнішня – в зв'язку з будівництвом доріг (наприклад, всесоюзна будівництво БАМ), ГЭС, промислових підприємств, що вело до зміцнення позицій російської мови, її найбільш широкому поширенню, оскільки саме вона виступала як головний засіб комунікації.

Збільшення міської населення також сприяло поширенню російської мови в регіоні. Це мала статус мови держави, політики, освіти, на відміну від української і білоруської мов, які в свідомості носіїв мови пов'язувалися з формами діалектними, неповажними.

Необхідно відзначити, що в розглянутий період в регіоні могли функціонувати і такі змішані слов'янські мовні форми, як українсько-російський суржик і білорусько-російська трясанка, що виникли внаслідок активного взаємодіяння різних слов'янських народів, переселившись в радянський час на територію Приамур'ї і осідалих тут¹².

Аналіз мовної ситуації в Приамур'ї на протязі як мінімум останніх двох століть дає повне підґрунтя утвердити її багатомовність, що проявляється в функціонуванні на досліджуваній території в певний період велика кількість мов і мовних форм, різних за походженням, типологічними властивостями, комунікативною силою, статусом. Історичні обставини впливали на якість мовної ситуації в регіоні і визначали її динаміку. В даний час ми спостерігаємо результат впливу як об'єктивних, так і суб'єктивних факторів, які в сукупності показують конкретну і по-своєму унікальну мовну ситуацію і в той же час еволюційну закономірність, що дозволяє будувати мовні прогнози в інших просторово-часових координатах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹¹ Як вказано во вступі до «Словаря російських мов Приамур'ї», «загальні риси в області ударного вокалізму, консонантизму, граматики і лексики дають підґрунтя називати мови російського старожитнього населення Приамур'ї групою амурських мов, злитих на північно-російській основі» [11. С. 6].

¹² Як відзначав Ф.Ф. Буссе, дослідник Далнього Сходу, «взагалі малоросійський елемент якщо не домінує, то у всякому разі дуже значний; він відбився на місцевому народній мові, на типі будівель і переважанні волів як робочої худоби в господарствах старожиттів, на постійному повторенні прізвиськ “кацап” та “хохол”, якими кличе сусід сусіда, причому переважає останнє; нарешті такий висновок підтверджують розпитування, зібрані мною з усіх майже сіл» [14].

¹³ «Відомий далекосхідний учений 20-х років проф. А.П. Георгієвський виділяв три причини, які найчастіше спонукали селян до переселення: 1) недостатнє земельне забезпечення й накопичення надлишкової праці в селі; 2) пільги, надавані переселенцям; 3) казкові уявлення про багатство краю» [14].

¹⁴ «Таким чином, деякий час товариство в Микольськ-Уссурійському існувало нелегально. З усього Зеленого Клину тільки в Благовещенську вдалося в ті роки здобути дозвіл на ведення відкритої української роботи, коли 1911 року був затверджений статут Українського Клубу (виділено мною. – Е.О.). Спроби утворити такий клуб у Владивостоці швидко наразилися на категоричне “нельзя”» (цит. по: [14]).

¹⁵ Амурська область вперше була аграрною і, за даними статистики, в 1861 г. селяни становили 85% всього населення Амурської обл., в 1897 г. – 72%, в 1914 г. – 77%, і тільки в 70-х роках ХХ в. міська населення стало переважає над сільською [18. С. 25].

¹⁶ С.м., наприклад: «1910 року в Микольськ-Уссурійському було засновано першу на Зеленому Клині “Просвіту”. 9 лютого 1910 р. від імені фундаторів – міщанина Петра Хоменка, купця Сергія Ніжинського, селянина Йосипа Переверзева-Розсуди, поштово-телеграфного чиновника

Захарія Шевченка та телеграфіста Івана Кривоноса військовому губернатору Приморської області було подане офіційне прохання затвердити статут товариства «Просвіта». За статутом, «товариство має метою сприяти розвитку української культури, а головним чином, просвіті українського народу його рідною мовою, діючи в межах м. Микольськ-Уссурійського та Уссурійського краю. Для досягнення цієї мети товариство має на увазі: а) видавати книжки, брошури, часописи, газети й інше українською мовою; б) відкривати свої читальні, бібліотеки, музеї, торгівлю книжками й ін.; в) влаштовувати публічні лекції, читання, загальноосвітні курси, вистави, літературно-музичні вечори, концерти, виставки й ін.; г) засновувати стипендії, школи, притулки, ясла, бюро праці і т. ін., просвітні й благодійницькі установи; д) закладати конкурси та премії за кращі твори літератури та мистецтва» [14]. И это лишь частный пример мероприятий, которые проводили украинцы на Дальнем Востоке с целью сохранения своей этнической идентичности.

⁷ «Историк Зеленого Клину І. Світ зазначав: «Скрізь, де на території Далекого Сходу жили українці, не залежно від їх кількості, замість різних революційних комітетів, почали творитися національні організації – громади, бо для української нації революція 1917 р. була не соціальною революцією, а національною». Такі громади заснувалися у Владивостоці, Хабаровську, Благовіщенську, Свободному, Імані, Микольську-Уссурійському, Харбіні; в дрібніших містах і селищах теж були утворені українські організації. Ці громади спершу були універсальними щодо своїх завдань і не мали певного політичного обличчя й чітко окресленої мети» [14].

⁸ «З'їзд вирішив звернутися до українського уряду в Києві, щоб він вимагав від російського уряду визнати Зелений Клин частиною України на основі самовизначення народу, що чисельно (80% всього населення) тут переважає» [14].

⁹ Автор этих строк – русская по национальности. Мой отец был рожден в 1939 г. в семье белоруса и украинки. Его мать, моя бабушка, родилась в 1909 г. в Сибири в семье переселенцев из Полтавы. Отец записан в документах как русский и считает себя русским. Бабушка говорила «на хохляцком языке» со своими подругами, с ними же пела исключительно украинские песни, была великолепной рассказчицей. С детьми и внуками говорила по-русски. Бабушка закончила один класс начальной школы. Форму ее русской речи следует считать диалектной по своим лексическим, фонетическим и грамматическим особенностям. Ее «хохляцкий» говор уже в дошкольном возрасте я могла определить как особый в отличие от культурной, правильной речи, которую прививали родители, воспитатели, позднее – учителя, дикторы радио и телевидения того времени (это было в 70-е гг. XX в.). «Хохляцкую» речь до сих пор можно услышать в том сибирском селе, где жила моя бабушка (с. Ново-Николаевка Яйского р-на Кемеровской обл.). Такую же речь я слышала будучи в диалектологической экспедиции в дальневосточной деревне от потомков переселенцев из Полтавы. На основании этих фактов можно сделать вывод о схожести языковых процессов в Сибири и на Дальнем Востоке в славянской ее части.

¹⁰ Так, например, в селах Октябрьского района Амурской области проживают говорящие на украинском потомки первопоселенцев из Украины, переселенцы 1960-х гг.

¹¹ См.: [21. С. 85–95].

¹² Подобные суржику и трясянке языковые формы встречались нам во время полевой работы на протяжении 2000–2011 гг., однако в настоящий момент определенно квалифицировать эти языковые формы (смешанные ли они (суржик / трясянка), или это все же сохранившиеся диалекты соответствующих славянских языков (украинского / белорусского)) не представляется возможным. Условия для возникновения смешанных славянских языков в регионе были. Если же говорить о 10-х гг. XXI в., то речь следует вести преимущественно об украинской составляющей в современной языковой ситуации Приамурья, белорусская составляющая (реликты белорусских говоров, трясянка) отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.
2. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, метод. М.: Наука, 1976.
3. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978.
4. Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616–617.
5. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация языка в США. М.: Наука, 1983.
6. Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. Социолингвистическая типология (Западная Африка). М., 1984.
7. Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
8. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.
9. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009.
10. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск, 2008.
11. Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.
12. Рябинина Н.И. Вокализм ударного слога в говорах старообрядцев Хабаровского края // Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1990. С. 207–216.
13. Киртикова Л.В. Первые исследователи говоров Приамурья // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Благовещенск, 1992. С. 92–101.
14. Українці на Далекому Сході. URL: <http://www.refine.org.ua/pageid-4388-2.html>
15. Мельник А. Как появились хохлы на Амуре // Амурский комсомолец. 1992. 10 окт. № 41.
16. Кауфман А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901–1903. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1905.
17. Пирко В.В. Просторечие Приамурья: лексикологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
18. Амурская область. Опыт энциклопедического словаря / науч. ред. В.В. Воробьев, А.П. Деревянко; ред.-сост. Н.К. Шульман. Хабаровск: Кн. изд-во, 1989.
19. Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2004.
20. Амурская область (природа, экономика, культура, история). Хабаровск: Кн. изд-во, 1974.
21. Оглезнева Е.А. Социально-речевой портрет диалектоносителя (на материале речи М.В. Хлыстова, жителя с. Черновка Свободненского района Амурской области) // Народное слово Приамурья: сб. ст., посвящ. 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 декабря 2011 г.